

Глава 1

У ресторана затормозило желтое такси. Дверь приоткрылась, за ее верхний край схватились пальцы с неопрятно накрашенными ногтями, после чего женская нога нетвердо ступила на асфальт. Нога подвернулась, женщина, делавшая попытки выйти, ойкнула и плюхнулась назад. Взглянув на водителя, она чему-то рассмееялась, наверное, смешно ей стало от собственной неловкости, но он в ответ послал ей взгляд красноречивее слов: мол, выметайся, пьяная дура. И Виктория Яковлевна вымелась, держась за ручку, потому что боялась упасть. Она осмотрелась, увидела вход, лихо захлопнула дверь машины и при этом едва не рухнула наземь. Удержавшись на ногах, она удовлетворенно крикнула, провела ладонью по волосам и наметила маршрут — точно к входу в ресторан. Слегка растрепанная, в вечернем платье, горящем стразами, Виктория Яковлевна шла нетвердым шагом, ступни на высоких шпильках подворачивались, но она мужественно справлялась с ватными ногами и легким головокружением. Столкнувшись с охранником, Виктория Яковлевна пьяно пробормотала:

— Отойди, мальчик.

— Ваше приглашение? — не пускал ее вышибала.

Виктория Яковлевна хохотнула: ну и порядки тут у вас. Затем недолго рылась в сумочке, бросила это занятие, повесила ремешок на плечо, забыв защелкнуть замок, и оттолкнула амбала:

— Брысь с дороги!

Войдя внутрь, она остановилась у входа в зал, спрятавшись за шторой, внимательно рассматривала столы и плотно сидящих друг к другу людей. Здесь отмечают юбилей, она тоже решила сделать ба-альшой подарок юбиляру...

Юбилей дело противное. Потому что цифра прожитых лет складывается из двух пятерок, и это значит, что осталось совсем немного активной жизни, потом начнется существование.

Юбилей дело нудное. Потому что длительные поздравления и пожелания одних и тех же благ действуют как снотворное. А бестактность гостей умиляла — все, как сговорились, желали здоровья, здоровья и здоровья, будто пожелать больше нечего. И вообще, что за намеки? Здоровьем Даниил Олегович не обделен, следовательно, это ехидные намеки.

Юбилей дело суетливое. Потому что подготовка заняла массу времени, которое можно было использовать на более важные проблемы, не говоря о потраченных нервах.

Наконец, юбилей дело дорогое. Вывалил на торжество Даниил Олегович... таких сумм не рисуют ни на одном официальном документе, иначе налоговые ищут, которым известны все события в этом благословенном городе, начнут алчно клацать зубами, мол, откуда доходы, то да се. И никакие подарки не окупят чудовищных затрат. Но на юбилее настояла жена, ей отказать Даниил Олегович не мог. А если серьезно, то его огорчало одно обстоятельство — ни сын, ни дочь не пришли поздравить отца.

Стоя, он выслушал очередной панегирик (с обязательным пожеланием здоровья), улыбался, как болван, лишь пригубил рюмку и поставил ее на стол — обильные возлияния уж точно приведут к полной потере то-

го, о чем говорит тостующий. Юбиляр снял пиджак и галстук, закатывая рукава рубашки, покосился на пустой стул рядом. Куда делась жена? За весь вечер она не выпила и бокала шампанского, а Ева его обожает, и не какой-нибудь газированный компот за сто рублей, а настоящее. Странно. Минут сорок назад она исчезла. То хоть развлекала его, комментируя на ухо поздравления, теперь одна тоска. Он взял двумя пальцами оливку, кинул в рот, ведь заняться нечем, кроме как жевать, а челюсти уже устали, потому двигались с трудом. Гости ели, переговариваясь друг с другом, часто обращались к нему с какой-нибудь пошлой шуткой. Слышимость отвратная, зал забит, словно братская могила, танцевать практически негде, хотя это самый большой ресторан в городе.

— Который час? — подавила зевок Агния, женщина вне возраста.

— Без пятнадцати десять, — взглянув на часики, ответила Елизавета Ивановна, педагог по образованию, сплетница по призванию. Среди бизнес-сброда она, пожалуй, единственная представительница обнищавшего народа, однако не так все просто. Муж у нее коммерсант, и Елизавета Ивановна пользуется всеми правами состоятельной жены.

— Скучища, — все же зевнула, прикрывая рот пальчиками с длинными ногтями Агния. А вот она собственным горбом завоевала право считаться преуспевающей дамой — шутка ли, пять магазинов модной одежды. Начинала она с челночного бизнеса, до сих пор за шмотками по странам и континентам мотается сама.

— Я до двенадцати подохну, а раньше уйти неудобно.

— Потанцуй, время незаметно и пролетит.

— Никто не приглашает, — вздохнула Агния. — Что-то не вижу большого кента юбиляра — Хусаинова.

— Ты не знаешь? — подняла брови Елизавета Ивановна. — Его же грохнули.

— Да?! — в свою очередь изогнула дугой брови Агния. — Когда?

— Ну, ты даешь. Неделю тому назад.

— Сколько новостей в нашем королевстве, жизнь кипит! Я приехала вчера, мне никто не сообщил.

— Потому что это уже не кипящая новость...

— О!..

Агния перевела на эстраду сонный взгляд, который заметно оживился. Туда выплыла принцесса в алом облаке шифона с гитарой в руках. Музыкант поставил стул на середину, принес два микрофона на штативах, один направил на гитару, другой на очаровательный и красный ротик принцессы. Тамада взял третий микрофон:

— Минутку внимания!

Мало-помалу в зале наступила тишина, разумеется, всем стало безумно интересно, зачем это юная жена почтенного юбиляра вылезла на эстраду. Уж ей бы — думали многие — сидеть тихонечко рядом и делать вид, что она только родственница.

— Юбиляра хочет поздравить жена, ей слово, — объявил тамада.

— Милый, родной, любимый Нил, — заговорила принцесса с шокирующей откровенностью. Почему шокирующей? Да потому что трудно поверить, что это воздушное и юное создание безумно любит мужа, старше ее более чем вдвое. — Я долго думала, что подарить, ведь у тебя есть все. Я дарю тебе то, что нельзя взять в руки, нельзя оценить, я дарю тебе песню, а вместе с ней мою любовь.

Струны гитары дрогнули, мелодичные переливы заполнили зал, а потом зазвучал старинный русский романс о любви и страсти. Голос Евы, глубокий и пронзительный, достойный большой сцены, проникал в души даже заядлых циников, настолько красиво она пела. И все слова предназначались ему одному — мужу.

Слова и взгляд, светившийся счастьем и радостью, преданной любовью, — тоже ему. Правда, мелодия несколько грустная, а откровенное и восторженное чувство смущало присутствующих, гости переглядывались. Но Ева не видела всех этих уличающих, порицающих, обличающих лиц, иначе не смогла бы петь. Она смотрела только на мужа, пела только ему.

— Красивенькая девочка, — сказала Елизавета Ивановна тоном, каким говорят об увечьях, но никак не о достоинствах. Вторая фраза прозвучала не лучше: — Любит его.

— За такие бабки и я б его любил, — сострил молодой человек, сидевший рядом с Лидией Ивановной, тут же внес уточнение: — Если б он мне их давал.

— У вас, миленький, нет смазливового личика, — облила его ядом Елизавета Ивановна. — Нет таких пышных волос и испепеляющих глазок, такой безупречной юной фигурки. У вас, друг мой, нет никаких шансов.

Иногда Ева тянула высокую ноту, одновременно прикрывала глаза, и между бровей пролегалла едва уловимая складка, но затем вновь голос набирал силу и облетал зал, а взгляд устремлялся на него, мужа. Конечно, возрастная разница между Евой и Даниилом Олеговичем наводила на определенные мысли, мол, брак по обоюдному расчету: она дает ему молодость, а он ей обеспечивает материальную базу, в общем-то, тоже бизнес и довольно-таки распространенный. Но Даниил Олегович словно выпил эликсира живительной силы, он переменялся, женившись на Еве, стал приятней в общении, энергичнее, веселее смотрит на жизнь, а раньше слыл пессимистом и брюзгой. Гости исподволь наблюдали то за юной женой, жадно ловя каждое ее движение, способное передать истинные чувства, то не сводили глаз с юбиляра. Да, его не узнать, разумеется, перемены приписывали Еве, это она превратила занудливого Даниила Олеговича в челове-

ка, переживающего вторую молодость... или, пожалуй, третью. Кстати, супруги везде бывают вместе, никто никогда не слышал, чтобы между ними происходили сцены, короче, идеальнейшая пара.

— А знаешь, я завидую ей, — сказала Агния. — Девочке не пришлось вкалывать до кровавого пота, рисковать, гробить здоровье и нервы. В юном возрасте она получила от судьбы блюдо с удачей.

— Интересно, что чувствует молодая дева, когда на нее лезет... папуля? — задумчиво и цинично произнесла Елизавета Ивановна.

— Посмотри на нее и поймешь. Ева просто тащится от него.

— Пока она воспринимает замужество как манную кашу с неба, — скептически заметила Елизавета Ивановна. — А что будет через пяток лет?

— Тогда и увидим, — ухмыльнулась Агния. — За пять лет она его доконает и станет молодой, обеспеченной вдовой.

— Ой, без «увидим» ясно, — слегка махнула рукой Елизавета Ивановна в знак отрицания. — Через пять лет... нет, много раньше она взвояет. Привыкнет к деньгам, ей будет казаться, что они у нее всегда были, и задумается: зачем же я слушаю по ночам храп старого воющего козла? Захочется молодого, как она сама, кобеля, который неустанно будет трудиться в постели. У Нила сейчас переходный возраст, ему бессознательно хочется доказать всему свету, что он еще скакун, а не замороженный конь. Мужчины, особенно богатые, тяжело переживают старение. В этом смысле секс с молодой лошадкой как раз и поддерживает уверенность, что старость далеко-далеко. Но переходный возраст обычно быстро кончается, когда он завершится, наш юбиляр начнет считать рожки. Все же я в восторге от нее, ловко она надела ему хомут. Сколько ей? Лет двадцать пять? Сильна.

— Я что-то не слышала, чтоб бабы нашего возраста хомутали богатых мужиков, да еще женатых.

— И не услышишь, милая, — заверила ее Елизавета Ивановна. — Потому что такого в природе не существует. И не женится богатый на серенькой девушке, даже в любовницы не возьмет. А почему? Потому что красота — товар, который имеет спрос. Ты не задавалась вопросом, почему красивые женщины часто страшно злые? Не все, конечно, но подавляющее большинство. Потому что не всем удается продать красоту за ту цену, которую себе назначили. Тут конкуренция почище, чем в бизнесе. Выдерживают те, кто получил классическое воспитание, у кого родители живут по установленным тысячелетиями традициям. Это мое наблюдение, поэтому я категорична. Кстати, ты, дорогая, тоже можешь купить... хотя бы моего соседа. И он будет тебя любить, как ты пожелаешь, будет с упоением ласкать твое дряблое тело и целовать целлюлит на всех конечностях. Верно, Лешенька?

Лешенька хотел оскорбиться, но передумал, ушел танцевать.

— А ведь даже не возразил, — расхохоталась Елизавета Ивановна.

Ева закончила песню под шквал аплодисментов, вернулась к мужу, который поцеловал ей руку и прильнул к губам. Послышался новый взрыв аплодисментов и одобрительные возгласы, словно здесь отмечали не юбилей, а свадьбу.

— Тебе понравилось? — заглянула в лицо мужу Ева.

— Конечно! — сиял он, как золотая монета.

— Но это еще не все, мой главный подарок впереди. — Ева прижалась к нему, затем села на свое место. — А я проголодалась.

Музыканты заиграли и запели, гости танцевали, Даниил Олегович не сводил влюбленных глаз с Евы,

которая с большим аппетитом поела блюда. Это чудо послано ему свыше, вся его жизнь с появлением Евы преобразилась. И пусть злые языки болтают что угодно, это от зависти. Когда он познакомился с Евой, она даже не знала, что он один из самых состоятельных людей города. Сначала встречались тайком, потом плюнули на пересуды и виделись открыто, нездоровый интерес к ним рос с космической скоростью, сплетни и помогли соединиться. Если поначалу Даниил Олегович сомневался, стоит ли круто менять свою жизнь, то после женитьбы сомнения улетучились, он стал счастливейшим из смертных.

Закончился танец, все рассаживались, официанты начали носить горячие блюда, и вдруг...

Да, всегда в момент взлета, пика удачи, в миг счастья надо ждать этого коварного «вдруг». Потому что нет постоянства на этом свете, и когда ты стоишь, расправив крылья, налетает оно, бьет под дых, а дальше ты несешься с высоты на острые камни. Даниил Олегович заледенел, услышав в микрофон до омерзения знакомый голос. На эстраде в длинном вечернем туалете стояла его бывшая, держа микрофон:

— Господа, минутку внимания! Вы слушали поздравление от нынешней жены Нила, а теперь послушайте от экс-жены... то есть от жены в отставке... В общем, от меня!

В зале наступила гробовая тишина, а большое скопление подвыпившего народа не так-то просто заставить умолкнуть. Ясно же как божий день, что дело пахнет скандалчиком, какого в городе не видывали со времен его основания. Все замерли, у кого-то даже кусок застрял между ртом и желудком.

— Наступил кульминационный момент вечера, — ядовитым шепотом сказала Елизавета Ивановна. — А я, дура, не хотела идти.

— Перестань, — осадила ее Агния. — По-моему,

это не смешно. Зачем она притащилась сюда? С дуба упала, что ли?

— С очень высокого, — подтвердила Елизавета Ивановна.

— Налейте, господа, в бокалы! — улыбаясь, говорила Виктория Яковлевна, широким жестом обведя зал. — Ну же, наливайте! Я произнесу тост. А мне кто-нибудь подаст бокал?

С ближайшего столика ей любезно поднесли бокальчик с шампанским, она поблагодарила, взяла и покачнулась, однако на ногах устояла, рассмеявшись от неловкости.

— Она пьяна, — в ужасе прошептала Ева, съежившись.

Даниил Олегович метнул молнии в сторону вышибал ресторана, один из которых протискивался к нему с видом напраказившего школьника.

— Итак, Нил, тебе стукнуло пятьдесят пять! — злобно произнесла Виктория Яковлевна. Даниил Олегович набирал на мобиле номер, глядя на бывшую с лютой ненавистью. А она... О, боже, что она несла, да еще в микрофон! — Ты растолстел, полысел, обрюзг, вид у тебя далеко не здоровый — мешки под глазами, кожа коричневого оттенка, наверное, печень барахлит. Но это ничего. Все пройдет, когда помрешь. Так вот, милый...

Охранник в это время протиснулся к Даниилу Олеговичу.

— Как она прошла? — прошипел, не раскрывая рта, юбиляр.

— Оттолкнула охрану, — оправдывался тот. — Не драться же с ней.

— Вы не имели права пускать в зал без приглашения.

— ...хочу тебе пожелать от всей души, чтоб ты не подох раньше времени, — с коварным оскалом, как по-

казалось юбиляру, продолжала бывшая. — С молодой-то женой сил надо мно-ого, а мне страшно хочется посмотреть, как она тебя орогатит. И вообще, хочется увидеть, на что способна наша... матрешка. Что там она прячет внутри?

— Какого черта стоите? — зарычал Даниил Олегович на охранника. — Уберите ее! В холл выведите! Я следом приду.

Вышибала кинулся к эстраде. В это время в мобильнике послышалось «Алло!», Даниил Олегович отвернулся от публики, жаждавшей продолжения спектакля, заговорил с сыном:

— Срочно забери мать из кабака.

— Я не слышу, — сказал сын. — Повтори.

Не орать же! Даниил Олегович метнулся к выходу, но проход между стеной и стульями был слишком узок, чтоб проскочить быстро, пришлось ему крикнуть:

— Мать забери из ресторана!

— Буду через пять минут, я недалеко, — сообщил сын.

А Виктория Яковлевна подняла бокал выше головы и торжественно произнесла пожелания:

— За твоё здоровье! Оно тебе пригодится. И за крепкие нервы! Пошел вон! — бросила она охраннику, пытавшемуся стащить ее с эстрады. — Я тебя прощаю, Нил, потому что ждет тебя нелегкая старость в одиночестве. Правда, при одном условии: если тебя не отравят, не придушат или не утопят в ванне. Да катись, болван! — отбрыкивалась она от охранника, хватавшего ее за платье. — И еще скажу: будешь ты локти кушать...

Охранник вскочил на эстраду, отнял у нее микрофон и отдал музыканту, затем забросил даму на плечо и пошел с ней к выходу. Она хохотала и била кулаками по его спине, слетели туфли, второй вышибала их по-

добрал. Впрочем, без микрофона гости слышали ядовитые выкрики жены в отставке:

— Ты еще не раз вспомнишь меня, погоди! Заодно запомни: это будет расплата...

Ее вынесли, наступила леденящая душу пауза в полнейшей тишине.

— Извините за инцидент, — громко сказал Даниил Олегович.

— Ребята, музыку! — встрепенулся тамада, внезапно вспомнивший о своих обязанностях.

Разумеется, в пляс никто не пустился, все сидели, как прибитые, не зная, что делать и как реагировать на выходку. Кое-кто незаметно переговаривался шепотом, пожимая в недоумении плечами. Некоторые низко опускали головы, очевидно, пряча гомерический смех, который так и рвался наружу. Но были и такие, кому инцидент не пролился бальзамом на душу. Эти сидели нахмуренные, не зная, куда деться.

А Даниил Олегович поспешил выйти из зала. В фойе Виктория Яковлевна порывалась встать из кресла, над ней стояли два парня, опуская ее за плечи назад. Даниил Олегович подошел к ней, зло процедил:

— Довольна? Осрамилась на весь город.

— И тебе праздник изгадила, — самодовольно рассмеялась она, не испытывая ни капли угрызений совести и стыда за выходку.

— Ты истеричка и дура. Пьяная дура.

— Посмотрим, кто из нас дурак, — выкрикнула она агрессивно, после чего заговорила смирно, будто не о себе: — Моя жизнь прошла рядом с тобой. Лучшие годы, лучшие! Я жила с тобой в коммуналке, подыхала от жары в Туркмении, когда ты работал вторым секретарем, родила тебе двоих детей, взяла на себя всю заботу о них и плюнула на свое призвание, когда ты делал карьеру. Я обеспечивала тебе покой и уют. Я сделала тебя, я! А потом ты меня выбросил, оставил тлеть в

одинокости. У меня нет больших денег, чтоб купить мужика и скоротать с ним старость, а ты купил себе сучку. Посмотри на себя в зеркало, разве может тебя любить молодая кобыла? Был бы хоть Домогаровым, я б поверила, что ты способен увлечь юную особу. Но ты же заурядный, с брюхом нажитых накоплений, без шеи, с лысиной, ни кожей ни рожей не удался. Повторяю: ты купил эту дрянь. А я не могу. Мы не в равном положении, поэтому я бешусь. А не потому, что страдаю по тебе. Много чести. Даже если б ты одумался, я б не приняла тебя, потому что презираю и брезгую, как брезгают, наступая в дерьмо. Верни мне потраченные годы, тогда я оставлю тебя в покое. А сейчас хорошенько запомни: покоя тебе не видать...

— Мама! — окликнул ее Роман, монолог он слышал весь, так как зашел в фойе на словах отца «пьяная дурра». — Перестань унижаться.

— Сынок? — удивилась она. — Как ты здесь оказался?

— За тобой приехал. Иди в машину.

Виктория Яковлевна взяла в руки туфли, тяжело поднялась и поплелась к выходу, но вдруг остановилась, не оборачиваясь, отчетливо выговорила бывшему мужу абсолютно трезвым языком:

— Ты не все у меня отнял. Дети мои. Не твои! Запомни это: мои! Будь ты проклят вместе со своей тварью. Думаю, я поспрадную твою бесчестье. Должна же я получить компенсацию за то, что так обманулась в тебе.

Она гордо вышла из ресторана, а Роман колюче уставился на отца. Ему тридцать четыре года, в пику отцу он открыл свое предприятие, создающее серьезную конкуренцию, и преуспевает ого-го как. Впрочем, Даниил Олегович радуется его успехам, а конкуренции не боится, так как создал достаточно мощное дело.

— Доволен? — хлестко спросил Роман.

В лице и позе сына явственно читался немой укор,

одновременно он отгородился от отца невидимой стеной отчуждения.

— По-моему, сейчас жалости достоин я, — мрачно сказал Даниил Олегович. — Она испортила мой юбилей, выставила себя и меня на посмешище...

— Ты давно выставил себя на посмешище, — отчеканил Роман без жалости. — Извини, я на стороне матери.

— Знаю, — вздохнул Даниил Олегович. — И не осуждаю. Думаю, пройдет время, и ты меня поймешь, сын.

— Не пойму, — не оставил ему надежды он и пошел к выходу.

— Ты забыл меня поздравить с праздником.

— Поздравляю, — бросил Роман через плечо и ушел. Остаток вечера прошел в натянутой атмосфере.

Глава 2

Он обрадовался окончанию банкета, равнодушно следил за погрузкой подарков и букетов в две машины, прощался с гостями, которые делали вид, будто ничего не стряслось. Мда, разговоров теперь хватит на месяц. Домой вернулись в половине второго ночи, шоферы помогли перенести дары в дом, наконец-то Даниил Олегович дал волю возмущению:

— Нет, какая идиотка! С кем я жил столько лет?! Опозорила меня, детей, себя на весь город! Завтра об этом только и будут языками месить!

— Нил, умоляю тебя, не кипятись, — обняла его Ева. — Ну, поговорят, через два дня потеряют интерес, через неделю вообще забудут.

— Да нет, моя бывшая пообещала, что покоя мне не видать. Не пойму, что ей надо? Квартира отличная, машина есть, я положил на ее имя деньги, если не будет транжирить, надолго хватит. Что еще ей нужно от меня?!

— Разве не понял? Ты ей нужен. Но я тебя не отдам, теперь нет.

Лицо Даниила Олеговича смягчилось, руки обняли тонкий стан Евы, губы поцеловали сначала в нос...

— погоди, — уперлась ладонями в его грудь она, загадочно улыбаясь. — Вечер еще не окончен. Мои подарки подарены не все.

— Что еще придумала? — протянул он капризно. — После сегодняшнего безобразия у меня оскомины на сюрпризы.

— Ничего не хочу слышать, — топнула ножкой Ева, сбросила туфли на высокой шпильке и побежала наверх, крикнув: — Зайдешь, когда я скажу! И не подглядывать!

Он вздохнул, сунул руки в карманы, постоял некоторое время, качая головой. Изгадила юбилей Виктоша, ух, как изгадила, стыдно людям в глаза смотреть.

— Жертва паршивая! — бубнил он, негодуя. — Ей хочется, чтоб ее жалели, а над ней смеются. Хохохот! Идиотка! Это я в ней ошибся, а не она.

А ведь пропасть между ними пролегла много раньше, когда Евы близко не было на горизонте. Он всю жизнь рос, а жена превращалась в рыхлую бабищу, интересы которой — поспать, пожрать, деток облизать. И пилила его сутками, и болезнями своими доставала, тогда как он не имел права заболеть даже на пару дней. Да с какой радости он обязан сносить каторгу и жить с женщиной, ставшей ему посторонней?

Но Виктоша это забыла или не хочет помнить, ей подошел бы вариант совместных мучений и обоюдный поворот на старость, согласилась бы она и на измены с его стороны, лишь бы все осталось, как было. А он не хочет мучений, не хочет думать о предстоящей старости, которая не за горами. У него осталось каких-то пятнадцать лет активной жизни, так почему же он должен следовать морали? Разве не аморален сам факт — жить

с нелюбимой, осточертевшей женщиной? Не аморально было встречаться с Евой тайком? Та не настаивала на женитьбе, напротив, соглашалась на редкие встречи.

Да и сам Даниил Олегович не так прост, как кажется. Прежде чем жениться, нанял детектива, тот докладывал, где и с кем она бывает без него. Так вот порочащих связей сыщик не заметил, хотя следил за Евой два месяца! Бабок Даниил Олегович вывалил за это — жуть, зато получил доказательство, что эта женщина — верная и любящая. Ну что ей мешало в перерывах проводить время с молодыми людьми? Даниил Олегович и Ева встречались в основном в гостиницах, он долго скрывал истинное положение вещей. Светятся перед женщинами только кретины, а умные стараются не выставлять напоказ свое состояние. Потом он спешно развелся и сразу же сделал предложение, поставив перед фактом: я свободен. За два месяца Даниил Олегович закончил строительство дома под ключ, перед женитьбой привез Еву показать, где она будет жить. Женщина расстроилась:

— Это же огромные деньги... Ты что, богач?

— Ну, как тебе сказать... — улыбнулся он. — Не бедствую.

— А как же теперь я выйду за тебя замуж? Все будут думать, что из-за денег... Почему же мне так не повезло?

Он хохотал минут десять, потом обнял ее:

— А мне повезло. Хочу тебя успокоить, я грохнул на строительство почти все свои деньги. — Врал безбожно, дабы успокоить любимую.

— Тем более этот дом нам не подходит, за него же платить придется бешеные деньги. А обстановка? Ведь в комнаты нужна какая-то мебель, это тоже... Лучше продай его, а мы съездим в свадебное путешествие, это будет дешевле.

— Вот ты и займешься приятными хлопотами.

Съездим и в круиз, раз тебе хочется. А я намерен начать новую жизнь, для этого нужен новый дом.

— Ну почему не подойдет квартира? Да я загнусь! Тут одной уборки...

— Эту проблему как-нибудь решим.

После пышной свадьбы Ева быстро привыкла к своему новому положению. Правда, когда Даниил Олегович привозил ее в дорогие магазины, она шарахалась от цен, а накупив всего, ехала домой, радуясь, как ребенок.

— Так как, — крутил он руль, ухмыляясь, — ты до сих пор недовольна, что вышла замуж за богатенького?

— Я похожа на ненормальную? — откровенно признавалась она, чем смешила его еще больше. — Господи! Как мне повезло! Я люблю тебя — раз, ношу дорогие вещи, о которых не мечтала, — два, живу во дворце — три, путешествую с тобой — четыре... За что мне все это? Я не заслужила. Как думаешь, боги не рассердятся на меня?

— За что?

— Нельзя быть слишком счастливой, я боюсь.

— Не бойся, отобьемся. От богов тоже.

Да нет, это ему повезло. И тоже, как Еве, немного страшновато, всегда есть в положительном доля отрицательного, например, испортились отношения с детьми. А сегодняшний инцидент — это вообще...

— Нил! Нил! — звала его из спальни Ева.

Даниил Олегович поднялся по лестнице, гадая, что она приготовила и почему так долго продержала его. У двери он все же спросил:

— Можно зайти?

— Входи! — торжественно сообщила она.

Даниил Олегович вошел и... вытаращил глаза, открыл рот. Посреди спальни стояла обнаженная Ева, полностью запакованная в прозрачный целлофан, в какой заворачивают цветы. Над ее макушкой красовал-

ся огромный синий бант, а над ним веер из целлофана. Ева лукаво посмеивалась, глядя на столбняк мужа.

— Как подарок? — наконец спросила она.

— Ничего подобного я и представить не мог, — сознался он и выглядел при этом дураком. — Как тебе в голову пришло?

— Я не сама придумала. Фильм «Игрушка» помнишь? Там мальчику принесли человека в коробке. Я подумала: почему бы и мне не соорудить нечто подобное? — Он подошел к ней и поцеловал ее через целлофан. — А целоваться лучше без обертки. Распакуй меня, хотя я могу и вылезти, но не хочу.

— Ты меня убила, — сдирая обертку, произнес он. — Мне ни за что не придумать равноценный подарок.

— Добью тебя чуть позже, а сейчас целуй свой подарок.

Не дожидаясь, когда он ее обнимет, Ева обхватила шею Даниила Олеговича, прильнула губами к его губам. Больше счастье трудно представить. Он любил ее так, как никогда не любил никого на свете. А злопыхатели ему пророчат импотенцию! У, злодеи! С Евой импотенция не наступит до ста лет. Это было прекрасное завершение испорченного вечера, а чуть позже, прижавшись к нему, Ева сказала:

— Ты способен принять еще один подарок?

— Еще?!! — вышел он из состояния неги. — Кажется, нет.

— Но мой последний подарок не вытерпит до твоего следующего дня рождения. Так что, хочешь или не хочешь, а придется его принять. Ты готов?

— Ну, давай, неси, раз это последний подарок.

— Нести не придется. Я беременная. Вот!

— Что?! — приподнялся он.

— Уже семь недель.

Чем он заслужил столько чудес? К ним, правда, можно отнести и явление пьяной Виктоши — из разряда ужасов.

...Неделю спустя Ева вышла из парикмахерской слегка расстроенной: зонт не взяла, а накрапывал дождик. Понадеявшись, что обгонит близившийся ливень и успеет добежать до троллейбусной остановки, она ринулась бегом по тротуару. На середине пути дождь приударил, будто специально готовился вымочить Еву до нитки. Забежав под навес, она отерла воду с лица платком и выглянула на проезжую часть — не едет ли троллейбус или такси. Сверкнула молния, Ева отпрянула от дороги, вдруг остановился автомобиль, открылась дверца:

— Садись.

Это был Роман, сын мужа. Поколебавшись, Ева все-таки села в машину:

— Спасибо. Я не сообразила вызвать такси.

— Куда доставить?

— Домой, конечно.

Колеса взвизгнули, автомобиль помчался по улицам.

— Что же тебе папочка машину не купит? — спросил Роман, не окрашивая фразу.

Ева насторожилась, только сейчас подумала: а зачем он пригласил ее? Роман относится к ней с открытой неприязнью, попросту терпеть не может. Так почему? Он старше Евы, похож на отца, слегка полноват, но и черты матери в нем заметны. Особенно характером Роман пошел в мать, такой же непримиримый.

— Ты какого папочку имеешь в виду? — опасливо развернулась к нему Ева. — Своего или моего?

— Разумеется, моего, — мельком взглянув на нее, ответил он и переключился на дорогу. — У твоего бабок не хватит даже на приличный велосипед.

— Ты и это выяснил?

— А как же! Должен же я знать, в какие руки попал мой отец.

— Ну и в какие? — заводилась Ева.

— В хитрые, — благодушно улыбнулся Роман, будто сделал комплимент. — Хотя о тебе и твоих родителях соседи, знакомые, одноклассники и однокурсники отзываются неплохо, но это мало что меняет. Ты умная, хотя канаешь под простушку, а это наводит на негативные мысли.

— Мне чихать, кто и что обо мне думает. Я люблю Нила, для меня это главное, а не ваше злопыхательство.

— Стоп, Ева, не заливай про страстную любовь, я тебе не верю, и никто не верит. Мой отец не тот мужчина, которого может полюбить молодая женщина просто так, потому что он это он.

— Почему ты так плохо думаешь о своем отце? — разгорячилась Ева. — Почему ты решил, что любят за внешность?

— Что ты, — усмехнулся он, — любят не только за внешность. Например, за ум, за выдающийся талант. Был бы мой отец писателем, научным светилом, известным артистом, я бы понял тебя. Но и тогда ты не имела бы права вползть в его семью, потому что достижения одного человека всегда обеспечиваются другим — в данном случае его женой, моей матерью. Кто-то создает условия, при которых достойный любви человек взлетает до заоблачных высот.

— Почему ты не ценишь в нем доброту, мягкость, великодушие, щедрость? Разве этого недостаточно, чтобы любить?

— Пустой базар. Ты любишь его бабки, это понятно даже кретину. Согласен, ты честно выполняешь правила, что достойно уважения. Но это пока.

— Чего ты хочешь? К чему твои словесные выкрутасы?

— Отвечу. — Он остановился у ворот дома, развернулся к ней корпусом. — Отец счастлив, пусть будет так, как он хочет, остальное рассудят небеса. Но должен тебя предупредить, Ева: если он ляжет в гроб по

какой-то нелепой случайности, например, оторвется шасси от самолета и случайно упадет ему на голову, я тебя порву на британский флаг. Вот тогда припомню, что ты разрушила нашу семью, отлучила его от меня, сестры, сделала несчастной маму. Ты расплатишься по полной программе, я буду безжалостным.

— Бред! — нервно хохотнула Ева, закатив глаза. — Вы сами отлучили себя от него. Кстати, Нил переживает. И раз ты желаешь отцу счастья, почему не помиришься с ним?

— А мы не ссорились. Мы разошлись в морально-этических вопросах. Прости, я не умею жить под девизом «плюй на все и береги здоровье», потому что не бездушен. Я вижу гораздо больше, чем тебе хотелось бы, и принимать твою фальшь — уволь, дорогая.

— А если я скажу, что беременна? — запальчиво спросила она с долей обиды. — Ты и сейчас будешь считать, что я фальшивлю?

— Молодец, — неопределенно высказался Роман. Неопределенно, потому что Еве было непонятно, как он отнесся к новости. Уточнять не пришлось, он сам пояснил свое отношение: — Это умный ход, отец, наверно, на седьмом небе. Понимаешь, Ева, мне не жаль отцовских денег, я самостоятельный парень, хватка у меня — отцу не снилось, дела мои идут в гору и очень быстро. Так что его уровня я достигну скоро. У меня есть только одно, но страстное желание: посмотреть на тебя, когда он разорится. А он разорится, мне недавно приснился вещий сон.

— Ничего, проживем в шалаше.

— Дай-то бог. Но не забывай, это молодые быстро подскакивают и несутся вскачь, пожилые люди ломаются. Да не в том суть. Ребенок... правильный ход. Потом отец напишет завещание, а потом... не берусь прогнозировать.

— Потом я сдам его в дом престарелых, — взорвалась Ева.

— Не исключаю. Мои предупреждения ты слышала, мотай на ус.

— Спасибо за доставку, — вылетела из машины Ева, но слезы сдержать уже не смогла и не могла уйти без последнего слова, чему не помешал ливень. — Вы можете сколько угодно злобствовать, но внести разлад между мной и Нилом вам не удастся. Все твои угрозы направлены на одно: хочешь запугать меня, чтоб я ушла от Нила. Этого не будет. И твое радение о счастье отца — фальшь, которую ты якобы не любишь. Причина как раз в деньгах, вы уже делите наследство, хотя ваш отец здоров и полон сил. Прости, это мерзко.

Захлопнув дверцу авто, она рванула к воротам под издевательский хохот Романа и пляску дождя на асфальте.

Даниил Олегович вернулся вечером, стряхнув зонт в прихожей, крикнул:

— Ау-у! Я пришел! Почему меня не встречают? — Впервые за совместную жизнь молодая жена вышла к нему невеселой, чем удивила. — Что такое? Что-нибудь случилось?

— Нет, все нормально, — кисло улыбнулась она. — Ты голоден?

— Как зверь, — проходя в дом, сказал он. — Специально не перекусывал... Нет, мне не нравится твое настроение. У тебя глаза мокрые! Ну-ка, рассказывай.

Даниил Олегович увлек жену на диван, усадил рядом, как ни порывалась она встать и сначала подать ему ужин, он не позволил:

— Сначала объяснения, потом ужин, я потерплю. Итак, кто тебя обидел до слез?

— Никто не обидел!

— Ты не умеешь лгать, Ева, выкладывай.

— Просто у меня состоялся неприятный разговор... мне он не понравился... я хочу его забыть.

— Но не можешь, — вывел он. — Ева, я бы не хотел, чтоб у тебя были от меня секреты. С кем ты разговаривала?

— С Романом. Начался дождь, он подвез меня... — И со слезами вперемежку она пересказала дословно диалог в машине. Даниил Олегович обнял жену за плечи, а сам задумался. — Ну вот, теперь и ты расстроился.

— Нет-нет, цыпленок, я не расстроился. Я озадачился. Понимаешь, всему есть предел, нельзя попустительствовать хамству. Ну-ка, принеси телефон.

— Ты хочешь звонить Роману? — ужаснулась она. — Не делай этого, не обостряй отношения, к хорошему обоюдные колкости не приведут. И потом, Нил, разве он не говорил тебе то же, что сказал сегодня мне?

— Раз ты не хочешь, не буду звонить, — легко отказался он.

— Не хочу, очень не хочу, — обрадовалась Ева и вдруг подозрительно сощурилась. — Что-то ты быстро согласился со мной... Нил, ты надумал поговорить с ним без меня?

— Я действительно передумал. Понимаешь, человек, который решил сделать гадость, не станет предупреждать.

— О чем ты?

— Хотя бы о том, что якобы я разорюсь. Его уверенность смешна, Роман решил тебя напугать, это ему удалось.

— Я не разорением напугана, — завелась Ева, щеки ее запылали от негодования. — Не смей так думать обо мне.

— Не буду, не буду, — поднял он слегка вверх руки и улыбнулся. — Что там у нас на ужин?

— Утка и салаты. Лично я бедности не боюсь, мне не привыкать к скромной жизни. Я о другом: нас не ос-

тавят в покое. Мы раздражаем. Это в Москве, в Питере и очень больших городах разрешено жить вместе людям разного возраста, а у нас не принято. Я не о Романе говорю, его-то как раз могу понять, это твой сын, я отняла тебя, как он считает. А другие... Я неосмотрительно поступила, когда пела на банкете, на меня так смотрели... Нельзя выставлять свое счастье напоказ, люди этого не любят. Не любят и не прощают.

— Да ладно, не бери в голову.

Он обнял Еву, повел на кухню, воркуя на ушко, что не стоит никого слушать, иначе нервная система начнет трещать по швам.

Глава 3

Несомненно, Даниила Олеговича задело, что родной сын вмешивается в его жизнь, к тому же угрожает. Этому пора положить конец раз и навсегда. Недолго думая, он с утра поехал к сыну на комбинат. Секретарша попросила подождать, мол, Роман Даниилович контролирует запуск нового оборудования, просил не отвлекать. Даниил Олегович уселся на стул в приемной, закинул ногу на ногу, руки скрестил на груди, огляделся. Не богато, не респектабельно, а приемная и кабинет должны быть идеальны, это лицо фирмы.

Долгое время Роман работал у отца, Даниил Олегович неплохо платил ему, даже слишком хорошо. Когда папа ушел от матери, сын занял денег на свое предприятие, занял и у отца, причем дал расписку, когда обязуется вернуть долг, и вернул. Конечно, сам факт написания расписки родному отцу выглядел не лучшим образом, ведь Даниил Олегович не требовал этого, но оправдался сын тем, что жесткие условия подстегнут его к действиям. Помощь нужна временно, он хочет проверить, способен ли создать дело собственными силами. В общем-то, похвальное рвение, сейчас сотни

молодых людей висят на шеях родителей и ни к чему не стремятся, совесть их не мучит, а все равно было неприятно. Роман купил здание, причем не выгнал прачечную, мастерскую по ремонту обуви и еще парочку мелких предприятий, а сдал им помещения в аренду. Затем приобрел оборудование, начал работать... Это было неожиданностью: он наладил выпуск той же продукции, что и отец — полуфабрикатов.

Надо сказать, товар сына пользуется спросом. На чем делаются деньги? Безусловно, на обмане. Вместо положенных норм мяса и чего другого кладется меньше, зачастую и заменители сойдут — не масло, а маргарин, не мясо, а большая часть сои. Специями засыпал, присолил — в результате затраты окупаются с лихвой, прибыль получается аховая. Вкус, конечно, страдает, но студентам, занятым людям, у которых нет времени на приготовление пищи, а также ленивым и одиноким достаточно. Роман грубо нарушил заповедь пищевой продукции — чем меньше, тем лучше. У него блинчики с клубничным джемом — так с клубничным джемом, а не в пропорции одна штучка клубники на килограмм яблок. Его полуфабрикаты дороже, но их раскупали, а папины товары залеживались. Скрепя сердце Даниил Олегович раскошелится и чуть-чуть улучшил качество.

Тем временем Роман обскакал его в ассортименте. Объявил по телевидению конкурс на лучшее изделие, годное к замораживанию, получил несколько оригинальных рецептов. Победителей наградил призами — кухонным комбайном, электрической мясорубкой, миксером, выдал поощрительные призы. Вручение показывали по телевидению, помпезно, победители радовались. Реклама — двигатель торговли, продукция сына стала пользоваться бешеной популярностью, а папа терпел убытки, ведь срок годности продуктов ограничен.

Будь кто другой, наверняка захотелось бы пришить

изворотливого конкурента, но Даниил Олегович взял голову в руки и нашел новые точки сбыта — близлежащие районные центры и деревни. Ну и? Сынуля туда протянул щупальца раньше папы! Даниил Олегович бесился недолго, потом признал, что мальчик — талантливый предприниматель, вынужден был потратить дополнительные деньги на рекламу, упаковку — сделать ее более привлекательной и... снизить цены.

Вот что такое честная конкуренция, о которой раньше Даниил Олегович понятия не имел: конкурентов убирал, конечно, не физически, а путем интриг и наравливания всяческих инспекций. С родным сыном он так поступить не мог, Даниил Олегович не разочлился, а завелся. Теперь его управляющие под страхом увольнения ломают ночами голову, что сделать для процветания фирмы. А сынок продолжил папину деятельность: открыл колбасный цех в деревне, где выращивают скот, арендовал несколько точек на рынке, там всегда очередь, остальные прилавки, папины в том числе, простаивают. Ходят слухи, будто Роман увлекся коневодством, но поскольку сын об этом не говорил ни слова, даже ни разу не упоминал о страсти к лошадям, Даниил Олегович решил, что слухи пустые. Вот так и живут. У Даниила Олеговича есть основания опасаться сына, и его «сон», который Роман рассказал жене, он рассматривал как угрозу не Еве, а конкретно ему. Но об этом он не будет с ним говорить.

Роман в белом халате влетел в приемную, как с пожара сорвался:

— Отец?! Проходи. — Когда папа вошел в кабинет, с брезгливостью рассматривая скромную и непрезентабельную обстановку, Роман направил ход его мыслей на деловую ноту: — Что у тебя? Извини, времени в обрез, не успеваю за всем уследить.

— Я не отниму у тебя много времени, — сказал,